

О РУССКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКАХ АНГЛИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Ф. Полянский

Уже давно стала актуальной для наших медиевистов задача критической оценки литературного наследства русских буржуазных историков и прежде всего в вопросах экономической истории средневековой Англии. Именно на разработку этих проблем в своё время сложилась в русской науке целая школа Виноградова—Савина—Петрушевского, влияние которой сказывается и сейчас. Некритическое отношение наших медиевистов к этой школе привело к проникновению в советскую историческую литературу враждебных марксизму влияний буржуазной историографии Запада.

Яркий пример совершенно неправильного отношения советских медиевистов к этой школе представляет сборник «Средние века» № 2, выпущенный Институтом истории Академии наук в 1946 году. В редакционной статье этого сборника прямо сказано, что Петрушевский «воспитал целую школу историков-марксистов», работающих в настоящее время в Академии наук и «с гордостью носящих имя учеников Петрушевского». Вывод о том, что Петрушевский дал «блестящий анализ строя английской средневековой деревни», мотивируется в сборнике тем, что он «ещё сильнее, чем Виноградов, подчеркнул роль традиции, сохранности следов былой свободы, роли поместного обычая и поместной курии как охранителей крестьянских интересов»¹.

Статья А. Неусыхина о Петрушевском, опубликованная в этом сборнике, фальшива от начала до конца и сводится к либеральному пустословию о красоте в отличие от красоты, о вдохновении, не совпадающем с импровизацией, о «служении человеческой культуре» и пр. Даже чисто кантианская интерпретация феодализма в книге Петрушевского «Очерки из экономической истории» (1928) представлена в этой статье как эта заслуга, состоящая якобы в попытке рассмотреть феодализм «в тесной связи с дру-

гими сторонами жизни, с развитием государства и идеологии». Но среди бессодержательных фраз в этой статье можно встретить и декларацию о том, что все ученики Петрушевского «всю жизнь будут чувствовать на себе его незримое влияние», так как он якобы дал «образчик истинно-научного понимания исторической эволюции», которое является «диалектическим её пониманием» (стр. 16—198). В свою очередь С. В. Бахрушин выступил в этом сборнике с немарксистским утверждением, будто бы теория Петрушевского о «соподчинении сословий» как характерной особенности феодализма «обоснована не только западноевропейским, но и русским материалом» (стр. 42).

В. Ф. Семёнов в этом сборнике попытался реабилитировать открыто антимарксистские работы Петрушевского, относящиеся к 20-м годам. В этот период, как известно, Петрушевский перекраивал даже более ранние свои работы на допшианский лад с целью использовать их для борьбы против марксизма, а В. Ф. Семёнов всё-таки пытается доказать, будто Петрушевский делал это, «не противореча по существу марксизму» и только «отчасти приближаясь к Допшу». За отсутствием другой аргументации автор столь странных для советского медиевиста заключений ссылается на «интересную непоследовательность» Петрушевского².

Критическая оценка методологических основ и идейных тенденций школы Виноградова—Петрушевского стала вопросом чести для советских медиевистов и вместе с тем серьёзной политической задачей. Следует помнить, что в странах народной демократии происходит сейчас разمهживание историографических партий и отношение советских историков к авторитетам прошлого живейшим образом интересует там прогрессивно настроенных медиевистов. Наши студенты, аспиранты и теперь ещё учатся по книгам Виноградова, Петрушевского и др.

¹ Сборник «Средние века» № 2 за 1946 г., стр. 6—9.

² См. сборник «Средние века» № 2 за 1946 г., стр. 239—249.

буржуазных медиевистов, между тем дело о критической оценке выдающихся исследований этих историков до сих пор не продвинулось вперед.

Задача настоящей статьи и состоит в том, чтобы дать критическую оценку школы русской буржуазной медиевистики.

Начало крупным исследованиям русских историков в области экономических проблем средневековой Англии положил ещё М. Ковалевский, который оставил значительные работы в этой области.

В 1877 г. М. Ковалевский защитил в Московском университете свою первую диссертацию на тему «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах», а через три года последовала его докторская диссертация на тему «Общественный строй Англии в конце средних веков». В своих работах о крестьянской общине он неоднократно апеллировал к истории английской деревни, Ирландии, Уэльса³.

Вопросы экономической истории средневековой Англии занимают большое место и в его лекциях о «Развитии народного хозяйства в Западной Европе», прочитанных в Брюсселе. Проблемам экономической эволюции английской деревни в средние века посвящает он целые главы и даже разделы своего капитального исследования «Экономический рост Европы». Особенно обстоятельно изыскания Ковалевского по истории английской общины и коммутации, о чёрной смерти и её последствиях для развития аграрных отношений в Англии.

М. Ковалевский наглядно показал, что в раннее средневековье «Англия была ещё страной свободных общин» и пережитки общинных порядков сохранялись надолго. «С X века и почти до наших дней практиковалась и практикуется в Англии система выпаса сельского стада на частных лугах после покосов». Если, говорит М. Ковалевский, англо-саксам «череды не были известны, то это насколько не подрывает того положения, что крестьянское землевладение у них было не частным, а общинным»⁴.

Подводя итог своим исследованиям аграрной истории Ирландии, Ковалевский утверждал: «Племенная, родовая, семейная собственность — таковы господствующие типы земельного владения в Ирландии в период, предшествующий развитию классового устройства». Для этого времени он отмечал лишь первые зародыши индивидуального владения землёй⁵. Рассуждения Сибома об исконности господства в Англии крупного

³ См. его очерк «Исторический переход от общественной собственности» в приложении к лекциям о «Развитии народного хозяйства» (1899), статьи «Древнейшие виды земельной собственности в Ирландии», «Родовой быт кельтов Уэльса» в приложениях к III т. книги «Экономический рост Европы», наконец, серию статей об общинном землевладении на Западе в «Вестнике Европы» за 1909 год.

⁴ См. «Экономический рост Европы», т. I, стр. 354, 361, 363, 371, 375.

⁵ См. там же, т. III, стр. 372, 374, 376, 378, 380, 389.

землевладения были подвергнуты М. Ковалевским заслуженной критике.

Однако в ценных исследованиях М. Ковалевского по истории английской деревни нужно отметить те же недостатки, которые свойственны вообще его работам по истории западноевропейского феодализма.

М. Ковалевский ошибочно считал динамику населения решающим фактором экономических успехов Западной Европы. Между тем, хотя рост населения и объясняет многое в эволюции форм землепользования, в интенсификации агрикультуры, он отнюдь не объясняет превращения античного рабства в крепостничество, закрепощения свободного крестьянства, подчинения феодами общины, политического раздробления Европы, перехода к оброчной системе и генезиса капиталистических отношений.

Смену общественно-экономических формаций и крупные сдвиги в их развитии Ковалевский настолько упрощал, что наивно отождествлял их с переходом от переложного хозяйства к трёхполью и далее к плодопеременной системе.

В противовес теории классовой борьбы в феодальном обществе Ковалевский подчёркивал значение «договорных начал» в экономике феодализма, выставляя тезис о пропорциональности прав и обязанностей сеньора и крепостного. В силу этого он зачастую ривовал отношения между лордом и виллажом как какую-то идиллию, иногда выступая даже поборником монархической идеи, прославляя, например, единение испанских королей с народом. Не появив феодальной природы и экономической роли оброчной системы, он слишком рано (уже в XIV—XV в.) похоронил крепостничество.

Принципиальный эволюционист, чуждый диалектике, он не смог выявить и понять экономических противоречий феодального режима, глубины классовых антагонизмов средневековья и остался в плену многих традиционных представлений буржуазной историографии.

Но, не выходя за рамки экономических проблем эпохи, Ковалевский правильно, с материалистических позиций и в соответствии с требованиями историзма, решал целый ряд основных проблем истории и теории феодализма. Он вполне основательно рассматривал феодализм как закономерную стадию исторического развития, свойственную не только Западной Европе, правильно считал экономической основой феодализма натуральное хозяйство и при решении проблем генезиса феодальных отношений в Западной Европе развивал теорию синтеза в духе высказываний Энгельса по этому вопросу. Он признавал всеобщее господство крепостничества в Европе (не исключая Англии) XI—XIII вв., искал закономерности в экономической организации феодального поместья, не игнорировал крестьянских восстаний и разоблачал легенду о социальных добродетелях экономической политики цехов. Во всех этих вопросах Ковалевский разделял передовые идеи своей эпохи, и его работы в этом смысле даже сейчас не потеряли своего значения. В своих обобщениях он стоит «на голову выше» буржуазной историографии нашего времени (особенно доп-

шванского толка) с её модернизацией экономических условий средневековья, поисками «вотчинного капитализма», пренебрежительным отношением к натурально-хозяйственной концепции средневековья и отрицанием действительного господства крепостничества.

Особое место в историографии английско-средневековья и, в частности, в разработке проблем аграрного строя занимает выдающийся русский историк П. Г. Виноградов, исследования которого создали ему имя первоклассного учёного и доставили широкое признание русской медиевистике в западноевропейских странах, не исключая и Англии. Сами чопорные оксфордские богословы считали возможным изучать историю Англии по виноградовским лекциям.

Виноградов создал целую серию перво-классных монографий по аграрной истории Англии, начало которым было положено его докторской диссертацией, опубликованной ещё в 1887 году. Вышедшие тогда же его «Исследования по социальной истории Англии в средние века» были затем продолжены им в таких выдающихся работах, как «Villainage in England» (1891 г.), «English Society in the eleventh century» (1908 г.), «Средневековое поместье в Англии» (1911 г.) и др. Все основные проблемы генезиса и развития феодализма в Англии до конца XIII в. были детально и глубоко исследованы Виноградовым с замечательно разносторонним использованием первоисточников; и при этом автор показал себя мастером тонкого анализа документального материала, особенно юридической терминологии. Техника и эрудиция исследований Виноградова стоят на столь высоком уровне, что под их влиянием сложились целые школы его учеников в Москве и Оксфорде. Эти исследования стали ценным достоянием русской и мировой науки.

Наиболее сильной стороной работ Виноградова являлось то, что он проявлял живой интерес к социально-экономическим проблемам средневековья и много сделал для их документального выяснения. Его тонкие характеристики разных форм земельных держаний и зависимостей крестьянства, категорий феодального землевладения и разного рода обычаев средневековья являются ценным вкладом русского учёного в историографию вопроса.

Виноградов признавал довольно широкое распространение маноров в Англии, хотя и не пошёл в этом вопросе до конца. Как и Ковалевский, он стоит на голову выше современных нам апологетов английского средневековья, отрицающих господство манориальной системы даже в Англии XII—XIII веков.

Но самым ценным в исследованиях Виноградова является его блестящая защита общинной теории и дальнейшее её развитие. Критикуя противников этой теории, он показал, что история землевладения средневековой Англии началась с общины, что свободная крестьянская община послужила исходным пунктом для возникновения отношений феодальной зависимости.

Выдающиеся исследования Виноградова законно считаются гордостью русской исторической науки и были крупным событием в мировой историографии средневекового общества.

Однако та выдающаяся роль, которую играл Виноградов в развитии русской медиевистики, отнюдь не может считаться гарантией его свободы от ограниченности буржуазного историка, а его исследований — от внутренних пороков, методологических и политических.

Как либерально настроенный буржуа и «прогрессивно» мыслящий учёный, Виноградов искал в политике и науке ту форму компромисса классов и безмятежной эволюции, которая привела бы к власти русскую буржуазию без потрясений, подобных тем, которые вызвал 1789 год⁶. Ленин дал яркую, прямо убийственную характеристику «свободомыслию» Виноградова, когда писал о нём в 1905 г.: «Г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своеобразной буржуазии», когда он как «учёный слугей российской буржуазии выступает... с предостережением против первого, «французского» пути». Этот «учёный историк буржуазии не боится востаний народа. Он боится победы народа. Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. Он боится свержения реакционной власти народом... Он знает, этот муж аутентичной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа... Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину её. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надёжным и благоразумным... Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный приём исправления крайностей реакции... Он не знает другой «власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных... Он боится предметных уроков «собравшегося с новыми силами урядника» и поэтому — о, вождь народа! о, политический деятель! — он пуше всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы учёного и якобы объективного рассмотрения вопроса!.. Копните либерального русского буржуа, ... и най-

⁶ См. Ленин, т. VIII, стр. 189—190. Здесь приведена цитата из «Политических писем» Виноградова, заявившего в августе 1905 г.: «Я не знаю, удастся ли ещё России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.». «Сырому, дурно сплочённому, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не погибель».

дёте одетого в новенький мундир урядника»⁷.

Своё методологическое кредо Виноградов весьма отчётливо формулировал в лекциях «О прогрессе», прочитанных им в 1898 г. в Московском Политехническом музее, в которых он объявлял себя борником натуралистического эволюционизма Спенсера. По его мнению, биологический «закон взаимодействия с окружающей средой находит себе блестящее подтверждение в истории общества», поскольку, например, «совместная деятельность классов, их взаимные услуги и общая работа иллюстрируют процесс объединения, интеграции».

Классовый смысл методологической позиции Виноградова раскрывает следующая сентенция в его рассуждениях: «Если антагонизм этот (частей, классов общества.—Ф. П.) возрастает до слишком сильной степени, то плохо будет общественному организму». Поэтому спасение нужно искать «в воспитании людей и обществ к человечности и справедливости», рекомендует всем недобольным капиталистической действительностью надежду на «внутреннее удовлетворение, которое делает человека свободным и счастливым даже на костре»⁸.

В соответствии со своими политическими и методологическими установками П. Г. Виноградов в исследовании основных вопросов истории английского феодализма его экономики шёл по проторенной дорожке буржуазных медиевистов. Его либерализма оказалось достаточно лишь для утверждения, что история Англии, вопреки мнению Сибомы, началась со свободы и её носителем была в своё время свободная сельская община англосаксонского периода. Но даже это ценное положение было использовано Виноградовым апологетически при обосновании реакционных элементов его исторической концепции либо сведено им до уровня контрверсы романтизма с германизмом. Возникновение феодализма Виноградов объяснял самым урядным образом, ссылаясь на особенности военной организации той эпохи⁹, связывая его с королевскими пожалованиями политической власти тем, кто занимал выгодное положение в этой военной организации.

В своей работе «English Society in the eleventh century» он заявил, что «манориальное подчинение крестьянства — результат процесса образования военной аристократии, что «корень феодальной системы — в личной службе», что различия в вооружении среди свободных вели к образованию рыцарства, а в Денло и Восточной Англии феодализм вообще явился продуктом лишь французского завоевания. Характерно для Виноградова и утверждение, будто «ключ к ранней истории общества» следует искать «в его военной организации, ключ к поздней — в его экономических достижениях» и между ними феодализм лежит как нечто промежуточное, «как попытка соединить военную

организацию непосредственно с сельским хозяйством»¹⁰.

В другом своём исследовании — «Средневековое поместье в Англии», — определяя причины возникновения феодализма, Виноградов писал: народное «стремление к обеспечению покровительства», благоприятная этому «политика правительства» и «возникновение военного класса» создали феодализм, и маноризация деревни происходила «благодаря подчинению свободного... населения военному и капиталистическому классу». Вместе с тем, утверждал Виноградов там же, «Жоке и манор — явления одного и того же рода, порождённые королевскими пожалованиями политической власти»¹¹.

Такое объяснение генезиса феодализма Виноградов сопровождал соответствующими определениями его сущности, усматривая её опять-таки в своеобразии военной системы, так как «главная особенность феодального общества — система взаимно зависящих ленов, обременённых разного рода военными повинностями»¹². В положительной характеристике феодализма Виноградов оставался верен самому себе, рассматривая феодализм как органическую систему разделения труда, в которой «профессиональный солдат естественно становился лордом профессионального работника»; а мирное крестьянское село «вело свои хозяйственные дела под покровительством и руководством манора»¹³. Виноградов разделял общий тезис буржуазной медиевистики о договорном характере общественных отношений средневековья, подчёркивая, что в Англии XI в. «социальные отношения устанавливались и согласовывались на основе договора личной службы, имеющего своим результатом обязательства военного, духовного, или экономического порядка». Лорд, например, «владел властью вследствие договора о феодальной службе»¹⁴, а поэтому вообще «феодальная система... характеризуется коллегияльностью организации своих частей»¹⁵.

Но излюбленным тезисом Виноградова является тезис, будто английский феодализм представлял собою компромисс ограниченного крепостничества с англосаксонской народной свободой. Социальное положение вилланов, по его мнению, являлось смесью трёх разнородных элементов: рабства, санкционированного абстрактными теориями ле-

¹⁰ Там же, стр. 455, 62, 30, 58, 212.

¹¹ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 250, 274, 139. Спб. 1911.

¹² Там же, стр. 139.

¹³ Там же, стр. 88, 290.

¹⁴ Vinogradoff P. English Society... p. 471, 472.

¹⁵ Vinogradoff P. Villainage in England, p. 362. Oxford, 1892. О судебной системе феодальной Англии Виноградов говорит следующее: «Судебное сословие Англии уже 600 лет тому назад было проникнуто сознанием великого принципа законности» (см. его ст. «Годичные книги английских судов как исторический источник» в сборнике в честь В. О. Ключевского, стр. 432. М. 1909).

⁷ Там же, стр. 189, 190—192.

⁸ См. Виноградов П. О прогрессе. Стр. 48, 41, 52, 58, 49, 62, 56. М. 1898.

⁹ См. Vinogradoff P. English Society... Oxford. 1908, p. 455.

гнстов, колонатных отношений манориального строя и традиций свободы, сохранившихся ещё со времён англосаксонского периода. Об этом свидетельствует самая противоречивость правового положения вилланов, картину которого нельзя создать исходя из «предпосылки рабства, свободы, колоната или прикрепления к земле (ascrption). Оно содержит в себе элементы каждого из этих трёх состояний и должно быть объяснено исторически». О социальной разнородности вилланства в результате разного рода исторических наслоений особенно наглядно, как утверждал П. Г. Виноградов, свидетельствует противоположность среди английских крестьян между вилланами-сокменами, представляющими остатки полусвободного населения саксонской эпохи, и вилланами, являющимися продуктом чисто феодального развития. «Манориальный элемент был наложен на общинный, не будучи основанием общинного строя деревни»¹⁶, так как «традиционный корень коммунальной деятельности — «сельская община», а манор облегает его кругом подобно броне». Сельская община лежала «в основе всей манориальной организации»¹⁷ потому, что общинные идеи «было бессильно устранить даже индивидуалистическое законодательство феодальной эпохи». Это видно также из того, продолжает Виноградов, что на протяжении всей истории средневековой Англии «основным объединением населения... являлось село, а не манор», и если они не совпадали друг с другом, то и тогда «аграрной» единицей было село, а не манор. В связи с этим «принцип автономии графства не был нарушен» движением исторического процесса даже в течение нескольких веков после норманского завоевания, да и вообще феодальный политический строй представлял собой нечто среднее между всеобъемлющим господством местной ассоциации, родовых группировок в ранней истории человечества и национальным, централизованным государством поздних веков. Феодальное государство П. Г. Виноградов считал формой компромисса между элементами того и другого. Появляясь в графстве, или сотне, староста, поп и четыре виллана «представляли там от каждого села совершенно безотносительно к манориальным подразделениям и зависимостям»¹⁸. В жизни манора, подчёркивал Виноградов, «обычай устанавливает... компромисс между требованиями... военного... и... рабочих классов, а причиной, вынуждавшей... лорда признавать основанные на обычае институты, являлось то обстоятельство, что он... имел дело... и с свободными держателями»; ведь «лорд мог властвовать над свободными только в том случае, если он подчинялся условиям, гарантировавшим их свободу»¹⁹. В частности, именно свободные посетители галимота давали селу самостоятельность относительно лорда; он не мог засе-

дать без участия свободных, и его основа «не вотчинного происхождения». Больше того, без свободных держателей сам «манор вообще не мог существовать»²⁰. Правда, правомочность передачи вилланских земель требовала её засвидетельствования и подтверждения манориальной курией, но обычай этот «не феодального происхождения»²¹. Он был известен ещё свободному населению англосаксонской эпохи и позднее, в условиях феодализма, «право, на основании которого виллан держал землю согласно обычаю манора, имело своим источником общинные власти в той же мере, как и пожалование лорда»²². Это ограничивающее лорда свободное крестьянство «требует себе объяснения не из производных фактов феодальной эпохи, а из условий предшествовавшей ей» эпохи; правда, элементы вилланской свободы прошлого находили нужной себе простор в хозяйстве меньше, чем в политике²³. Общий вывод Виноградова гласил, что «институты и традиции древней свободы» выступали в сфере полукрепостнических обычаев, формирующихся под покровом манориальной власти»²⁴. Отсюда и происходит компромисс, так как община «соответствует такой стадии умственного развития, когда народ... склонен разрешить практически проблемы путём компромиссов», если концепция Гирке смешивает различия, то она как раз «...поэтому... пригодна с исторической точки зрения»²⁵.

Виноградов прекрасно знал источники английского средневековья и поэтому считал невозможным полное игнорирование известных экономике средних веков барщины и другого рода повинностей. Но он отрицал крепостническую эксплуатацию в качестве определяющей, структурной особенности манора и сущности феодального способа производства, феодализма вообще. Давая положительную характеристику манору, Виноградов утверждал, что «крепостное состояние держателей не было сущностью этого института», «манор мог состоять из одних свободных»²⁶, и «наиболее характерной чертой манориального хозяйства является совместная деятельность домена и общины держателей». В ту пору «манор существует не исключительно для интересов лорда»²⁷. «политическая защита вилланов была эквивалентом (приблизительным) доходов, получаемых лордом с крестьянства», да и вообще манор «не столько, и, может быть, не

²⁰ Виноградов П. Исследования... стр. 175, 177, 92.

²¹ Vinogradoff P. English Society... p. 227; см. так же его Villainage in England, p. 374, 375, 377.

²² Там же, стр. 377.

²³ Виноградов П. Исследования... стр. 150, 161.

²⁴ Vinogradoff P. English Society... p. 215.

²⁵ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 315.

²⁶ Vinogradoff P. English Society... p. 473, 479.

²⁷ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 321, 293.

¹⁶ Там же, стр. 137, 129, 136, 408.

¹⁷ Там же, стр. 360, 293.

¹⁸ Vinogradoff P. English Society... p. 425, 390, 395, 92, 213, 319.

¹⁹ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 342, 357, 358.

главным образом, экономическая форма, сколько отражение определённой политической организации». Ссылаясь на то, что «виллан во многих отношениях был свободным человеком»²⁸ (с точки зрения общины, хозяйственно, за исключением своих связей с лордом), он утверждал, что только в отношении к лорду существовала разница между вилланами и свободными²⁹. Поэтому, как и Мэтланд, Виноградов сводил крепостничество к строго индивидуальному отношению между двумя хозяйствующими субъектами — лордом и вилланом, — в котором «не было следов бесправного положения вилланов», а главные формы повинностей обуславливались экономическим положением вилланов, но не социально-правовым статусом³⁰. Определяя феодализм и указывая на то, что «феодализм отличается территориальной окраской политических отношений и политической окраской земельных отношений»³¹, Виноградов на первый план выставлял те районы Англии, где власть лорда носила якобы чисто политический характер. Свободных держателей, ограничивавших, по его мнению, власть лорда, он объявлял совершенно необходимым элементом манора³².

Вместе с тем Виноградов идеализировал положение крепостных, преувеличивая роль обычая в их защите от притязаний и произвола лорда. Так, он заявлял, что для защиты вилланов «обычай — великая сила», что «в этой сфере национальной жизни обычай имел господствующее значение», приводящее к тому, что в XIII в. «теоретическое бесправие (вилланов. — Ф. П.), умеряется обычаем и практическими соображениями». Как утверждал он, «вилланы мирно владели своими землями, движимостью и деньгами, а количество и род оброчов в пользу лорда определялись обычаем», поскольку не могло «быть и речи о произволе управляющих или капризе рабовладельцев». Ведь требования лорда «всё-таки регулировались весьма точными и детальными обычными нормами», «виллан... точно знал, что он будет делать завтра и в следующую неделю». Кроме того факт денежной оценки барщины в экстендах XIII в., делая коммутацию индивидуальной, «ясно показывает, насколько сильны были нормы обычая даже в подобных случаях, когда можно было бы ожидать всякого рода притеснений»³³. Вместе с тем решающей

ролью обычая в его жизни виллан отличался от рабов и свободных, хотя в уголовных и отчасти в гражданских судебных делах он стоял на уровне последних, имея возможность защитить себя от любой несправедливости. Больше того, «лорд и виллан имели много общих интересов. Они были естественными союзниками в своих отношениях к высшей манориальной администрации». Поскольку «сила и самоуправление общины являлись наиболее желанной помощью собственнику манора», в манориальном суде судили все — «без различия классов». Всё это «оставляло лорду значительную помощь самыми разнообразными путями, но ставило определённые пределы его власти и приводило его к положению конституционного повелителя»³⁴.

В качестве последнего «помещик заботился... об общем положении своих подданных», и «хороший землевладелец походил на хорошего садовника»³⁵, защищая слабых. Поэтому в отличие от городских общин сельские общины шли на соглашение с лордом, на подчинение ему³⁶. Феодализм, по мнению Виноградова, держался на обычном *modus vivendi*, а не на внешнем давлении, и средневековый аграрный строй «был во многих отношениях более выгоден держателям, чем лорду». Виноградов ссылался на то, что структура держаний «и упорство обычая мешали увеличению рент и барщины в соответствии с ростом ресурсов и богатства среди крестьянства» в связи с ростом народонаселения и т. д. Если же крестьян что-либо не удовлетворяло, часто «деревня вступала в непосредственное соглашение с лордом или его главным управляющим, точно устанавливая размеры служб и платежей или сводя их к уплате обещаемой круглой суммой» денег и т. п., причём «этот способ управления вёл к постепенному улучшению социального положения крестьянства». Поэтому переход от продуктовой ренты к барщине и, наконец, к денежной ренте был «результатом не одностороннего давления лордов, а серии соглашений между лордом и держателями»³⁷.

В унисон с самой вульгарной реакционно-националистической медиевистикой буржуазной Англии Виноградов прославлял примирительную роль феодального государства и его благотворное влияние на положение крестьянства.

В своих «Исследованиях...» он писал, что «норманское завоевание... содействовало феодализации Англии в социальном отношении, но оно... остановило феодализацию в политическом отношении». Согласно законам Вильгельма, являвшимся записью обычного права, землевладелец не мог согнать кре-

²⁸ Vinogradoff P. Villainage in England, p. 405, 226, 384.

²⁹ Виноградов П. Исследования... стр. 186.

³⁰ Vinogradoff P. Villainage in England, p. 359, 177.

³¹ Виноградов П. Происхождение феодальных отношений, стр. 2.

³² См. Виноградов П. Исследования... стр. 158, 186. Недаром, говорит он в «English Society...», что аристократизация английского общества в XI в. имела своим эквивалентом «постепенный подъём сервов и рабов до положения зависимых держателей», компенсируя принижению специального уровня свободных.

³³ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 208, 342, 338, 341, 342, 343, 320, 355.

³⁴ Vinogradoff P. Villainage in England, pp. 177, 65, 354, 396. См. так же стр. 368: «Невнимательного пахаря не упрекал прямо белифф или какой-либо другой надсмотрщик, но он представлялся на суд своими товарищами-крестьянами».

³⁵ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 300, 301.

³⁶ Vinogradoff P. English Society... p. 401.

³⁷ Vinogradoff P. Villainage in England, pp. 152, 300, 301, 360, 312.

стьян с занимаемых участков, брать с них больше продуктов и гонять их на барщину чаще, чем обычно; это, говорил Виноградов, было последним проблемком вмешательства королевской власти в отношения лорда к крестьянству³⁸. Однако в другой своей книге — «Средневековое поместье в Англии» — он подчёркивал, что и «сотенные исследования и дела о quo warranto свидетельствуют о надзоре королевской власти за политическими полномочиями манориальных судов»³⁹.

В своей работе об английском вилланстве Виноградов прямо утверждал, что король защищал вилланов своих маноров, что в силу централизации государственной власти, в итоге норманского завоевания, аристократия вынуждена была выступать на политической арене в качестве противостоявшей государственной власти силы и часто брать на себя представительство интересов других слоёв населения, в том числе и крестьянства. Только в бурные времена царствования Стефана, по его мнению, оказалась порванной непосредственная связь королей с низшими классами, и неудачи Генриха II, гражданская война и т. п. повели к бесправию вилланов в чисто феодальном смысле. Даже слабость государственной власти послужила, говорил Виноградов, на пользу вилланам, так как она исключала широкую торговлю ими, предполагавшую надлежащую охрану рынка и систему наказаний⁴⁰. В лекциях о «Римском праве» Виноградов ссылался на то, что «борьба с захватами, развившаяся в «кассиде новой Диссезины», являлась прекрасным свидетельством деятельности и социального значения государства», например, для охраны свободного населения, его держаний⁴¹. Характерно с этой точки зрения то определение задач правительства в Англии XI в., которое дал Виноградов: «Защита страны, поддержание порядка и правосудия и обеспечение средств своего существования посредством налогов», причём первую задачу он рассматривал как внеисторическую, обязательную для любой политической формы «рода и города, дикой орды, феодального общества и современного государства»⁴².

Наконец следует отметить теоретический эклектизм Виноградова, состоявший в том, что, несмотря на свою натурально-хозяйственную интерпретацию феодализма, он широко пользуется терминами «капитал», «капиталистическая организация производства» и т. п. Такое словоупотребление отчасти объяснялось чисто вульгарным пониманием П. Г. Виноградовым капитала как запаса средств производства. Это особенно характерно для поздних его работ, отражавших переход автора на всё более реакционные позиции. Например, в «English Society...» он

заявлял, что королевские маноры «с экономической точки зрения, не образуют гомогенной группы», но дают «капиталистический тип, административный или податный тип и судебный тип», в котором лорд выполняет лишь судебные функции. По этим рубрикам он считал возможным классифицировать вообще все маноры. Он говорил о применении капитала в больших манорах, описанных в «Книге страшного суда» 1086 г., в которых была «вполне развитая система капиталистического предпринимательства». В последующее время, с его точки зрения, в церковных поместьях имела место широкая концентрация капитала⁴³. В книге «Средневековое поместье» Виноградов писал об англосаксонской эпохе: «Тягостность положения *geburg*'а объясняется, главным образом, его экономической зависимостью от землевладельца, как деревенского капиталиста», а с прогрессом земледелия в феодальную эпоху всё «больше требовались индивидуальная энергия и капитал»⁴⁴.

Такова историографическая концепция П. Г. Виноградова, при оценке которой следует помнить, что главное в ней — тезис о компромиссности разнородных элементов в экономике и социальной структуре феодализма, неразрывно связанного с преувеличением консервативных сил обычая в качестве хранителя древней народной свободы.

В самом деле, весь секрет аргументации Виноградова заключается в смешении проблем генезиса, исторических корней того или иного явления и функций последнего в системе данного способа производства. Поэтому свободное прошлое сельской общины «свидетельствует» у него о свободе её феодального настоящего, маскируя сервиллизм производственных функций общины в условиях жестокой феодальной эксплуатации крестьянства. Община могла быть и была, как указывал Энгельс, источником жизни и свободы для средневекового крестьянства, но в качестве организационной формы и опоры классовой борьбы народных масс против крепостников, на почве существовавшего тогда феодального способа производства и его противоречий, а вовсе не потому, что она была некогда свободной и эксплуататоры преклонялись перед её славным историческим прошлым⁴⁵. Точно так же простой исторической связи манориального суда с традициями самоуправления в своё время свободных общин недостаточно, вопреки мнению Виноградова, для того вывода, будто на этом основании вотчинный суд был только внешней формой, за которой скрывалась таинственная красавица — народная свобода. Фактически он был дисциплинарным судом, стоявшим на страже интересов крепостной эксплуатации крестьянства, раз кнут манориальной юстиции гулял по спине каждого крепостного за малейшие «упущения» в выполнении платежей и обработке барщины. То, что при этом «участвовали» в «судопро-

³⁸ См. Виноградов П. Исследования, стр. 83—84, 353.

³⁹ Его же. Средневековое поместье в Англии, стр. 357.

⁴⁰ См. Vinogradoff P. Villainage in England, pp. 103, 108, 179—180, 218—219, 152.

⁴¹ См. Виноградов П. Лекции о «Римском праве», стр. 55.

⁴² Vinogradoff P. English Society... pp. 13, 14.

⁴³ Vinogradoff P. English Society... pp. 323—324, 311, 316, 475, 356.

⁴⁴ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии, стр. 273, 321.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 132.

изводстве» сами крепостные, свидетельствовало лишь о политической гибкости крепостников, умевших исползовать народные организации для публичного наказания сопротивлявшихся им вилланов и убедительного псуения других. Только тенденциозный историк вопреки элементарным требованиям историзма может приходить в умиление от сообщений источников, что иногда крепостные ташили в суд нерадивого пахаря земель домена. Они делали это, очевидно, в целях избежания своей коллективной ответственности или по привычке раболепствовать перед землевладельцем и быть его холопом.

Участие так называемых свободных в манориальном суде не изменяло дела. Наоборот, это возлагало на них некоторые крепостнические функции, обязывало беспокоиться об интересах домениального производства, осуждать непокорных вилланов, убежавших с барщины, и т. п. в надежде самим избежать наказания. При этом феодал имел в виду опереться на поддержку этой привилегированной группы, противопоставляя её эксплуатируемому вилланству и разъединяя разные группы крестьянства. Всего этого не заметил Виноградов, давая объективистское описание чисто полицейских функций манориального суда. При осуществлении последних, конечно, возможно было известное «сотрудничество» лорда, свободных и крепостных (в борьбе с воровством, разбоем, насиливанием женщин, потравами и т. п.), так как это была область своего рода «нейтральных» проблем, где феодала интересовал только максимальный штраф. Смешивая проблему функций и генезиса явлений, Виноградов даже старосту объявлял носителем крестьянской свободы, хотя, как известно, английские крестьяне страшались брать на себя эту одностороннюю обязанность.

Далее, аргументация Виноградова основывается на чисто механическом понимании взаимоотношений разных производственных форм и социальных явлений в истории феодального общества, что отражает порочность его методологических установок. Сколько бы он ни писал о сложности общественного организма и бесконечности взаимосвязей его элементов, о необходимости осторожного их расчленения в историческом исследовании и т. д., всё же организующей и ведущей идеей всех его произведений остаётся общий тезис всей буржуазной медиэвистики, будто социальная структура феодализма — коллекция нелепых обычаев, а экономика феодализма — конгломерат только механически связанных производственных форм, не несущих с собой какой-либо определённой закономерности, доминирующей в беспорядочном хаосе хозяйственных явлений. Только поэтому в существовании случайных групп независимых землевладельцев в слабо феодализованных районах и в существовании деревушек, обособленных от манориальных центров крепостной эксплуатации, он находил основание для того, чтобы отрицать общее господство крепостничества, феодального способа производства как особой формы отношений эксплуатации. Между тем, исходя из этого положения, он и развивал свой тезис о компромиссности вза-

имоотношений между феодальным господством и древней народной свободой, дофеодальными хозяйственными формами и манором. Виноградов, как и другие буржуазные историки, исходил из того нелепого положения, что господство и определяющее значение отношений крепостной эксплуатации можно признать только в том случае, если на соответствующей территории не осталось ни одного свободного и независимого земледельца. Лишь игнорируя определённую тенденций и закономерность развития феодального способа производства, — по терминологии Виноградова, манориальных элементов экономики средневековья, — он и пришёл к тому тезису, будто дофеодальные экономические формы могли веками существовать под надёжной кровлей манориального строя.

Наконец, прославляя манориальный обычай в качестве гарантии народной свободы, Виноградов (подобно Мэтланду и др.) любую форму урегулированной крепостной эксплуатации принимал за проявление свободы. Он считал, видимо, что полнота классового господства феодалов может быть признана лишь в том случае, если она сопровождается бесшабашным мордобойством, отсутствием всякого хозяйственного распорядка, всевозможными эксцессами, бессмысленным издевательством над эксплуатируемыми и т. п. Но это — чисто буржуазное представление об эксплуатации, представление, которое и в совершенстве и пунктуальности правил внутреннего распорядка капиталистических предприятий способно видеть свидетельство отсутствия эксплуатации рабочих, действующих в соответствии с этими правилами. Поскольку манор не имел точно разработанного регламента, эксплуатация крепостных регулировалась обычными нормами работы, определявшими её время, место и количество. Значит, обычай освещал и утверждал отношения феодальной эксплуатации, был её техническим элементом. Обычай, заставлявший виллана работать три дня в неделю на феодала, не был созданием народной свободы, и найти последнюю в нём может только тот, кто своей казуистикой готов защищать любые формы эксплуатации. В общих разговорах об обычаях Виноградов игнорировал обычай как нормативный элемент крепостной эксплуатации.

Экстенды XIII в. означали расширенное и организованное использование феодалами обычая, а вовсе не отрицание полноты их классового господства, ограничения или смягчения его. И фиксированный и нефиксированный обычай одинаково являлся элементом крепостничества, так как исполнительная власть находилась в руках лорда (штрафы, лишения земельных держаний), ею был сам лорд. Вопреки мнению Виноградова, если лорд и считался с сопротивлением свободных, противопоставлявших ему обычай, то только в своих взаимоотношениях с ними, о чём свидетельствует частичная привилегированность этой категории крестьянства.

Как видим, Виноградова следует критиковать вовсе не за то, за что его критикует Е. А. Косминский в своей работе об ан-

глийской деревне⁴⁶, утверждая, будто недостаток исследований Виноградова заключается в признании широкого распространения маноров в средневековой Англии.

Прежде чем перейти к характеристике допцианской интерпретации экономики английского поместья, даваемой в работах Д. М. Петрушевского, следует отметить одного из его предшественников, раннего глашатая теории «вотчинного капитализма». Речь идёт о Гранате, который возманился *посрамить* Маркса (его теорию первоначального накопления капитала и капитализма вообще), попытавшись доказать, что в Англии «за несколько веков до возникновения капитализма... уже существовал обширный класс наёмных рабочих» и «трудящиеся бедняки» были в ней далеко «не исключительным продуктом новейшей истории», как то утверждал Маркс. По мнению Граната, они хорошо известны и феодальной эпохе, а пролетариат существовал «задолго и вне всякой связи с развитием капиталистической промышленности». С точки зрения Граната, «предпринимательские хозяйства вырастают не на почве общего разорения деревни, не являются единственным исключением на фоне общей нищеты, они образуют обширный класс, столь же многочисленный, как многочисленные ряды крепких крестьянских дворов в средневековую эпоху». Поэтому хотя «крестьянство перестало существовать как класс мелких собственников, но это не означало ни насильственной экспроприации, ни разорения» деревни.

И. Гранат аргументировал тем, что по свидетельству «Книги Страшного суда», в Англии малоземельные и безземельные, вынужденные в значительной степени рассчитывать на сторонние заработки, на продажу своей рабочей силы, образуют в конце XI столетия... 45% населения деревни. По показаниям «Сотенных свитков», в описываемых ими графствах в конце XIII в. было 33,8% безнадельных и «половина фригольдеров была столь же не обеспечена землёй, как и коттеры». Затем, согласно материалам ренталя Глостонберийского монастыря, составленного в 1189 г. из 1132 несвободных дворов 43,4% держали участки менее 5 акров (в вотчинах Сомерсета). Гранат ссылался и на то, что в середине XIII в. на землях Глостерского аббатства св. Петра «число безнадельных» составляло $\frac{1}{4}$ всех крестьян и главная масса этой группы владела не более, как двумя акрами полевой земли. По мнению Граната, подушная перепись 1381 г. говорит о том, что в Стаффордшире наёмные рабочие составляли 33% сельского населения. Автор считает нужным отметить также, что зажиточность английских крестьян смягчала господство лордов: «...даже само существование многочисленного сельского пролетариата должно было способствовать ослаблению власти лорда». Поэтому, с его

точки зрения, «лорд в большинстве вотчин является скорее лишь формальным носителем громадной власти над крепостным крестьянином, вотчинного суда, сельского стода, представителем власти мира над своим общинником».

Этот московский противник Маркса, пускаясь в пространные рассуждения о «вотчинном капитализме» и допуская существование пролетариата (тождественного пролетариату капиталистической эпохи) без капиталистического производства, тем самым не уступает как в теоретическом невежестве, так и в апологическом усердии Допшу, который в борьбе против Маркса апеллировал к бессмыслицам натурально-хозяйственного «капитализма».

История английских коттеров действительно заслуживает внимания как история средневековой нищеты, являвшейся побочным результатом развития отношений крепостной эксплуатации. Вопреки утверждениям Граната колоссальный рост деревенской бедноты средневековой Англии объяснялся не особенностями неплодородной почвы⁴⁷, а усилением господства феодалов, которые захватили основные, решающие земельные территории и предпринимали разделу вилланских держаний. Многие тут объяснялось и системой натуральной оплаты дворовых (в том числе мелкими земельными участками, усадьбами, правом пастбища, пользования лесом и т. п.). Известно, что лорды культивировали вокруг маноров группы полудворового населения, оно использовалось в маноциальном производстве и на работах, для которых рабочая сила вилланов (способных при отработке барщины со своим инвентарём дать больший экономический эффект) была либо слишком дорогой, либо недостаточной (летом), либо трудно утилизируемой (в силу консерватизма регламентации барщинных работ). Со временем в качестве вторичного, производного, явления начиналось превращение коттеров в профессиональных ремесленников, в арендаторов клочков крестьянской земли, в подёщников на домене и в хозяйстве виллана-виргатария, в держателей домена и займок за денежную ренту. Проблема коттера сложна и требует исследования, однако софизмы Граната не дают и неспособны дать её решение.

Обращаясь к исследованиям Д. М. Петрушевского, нужно сразу отметить, что они занимают выдающееся место в историографии английского средневековья и являются крупным достижением русской исторической науки. Они продолжают замечательные работы Виноградова и делают честь русской исторической литературе. Особенно ценной оказалась капитальная монография Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» (1897—1901 гг.), написанная им в ранний период его научной деятельности, когда автор проявлял политический радика-

⁴⁶ Косминский Е. Исследования по аграрной истории Англии XIII века, стр. 7, 11, 120, 186, 199, 367. 1947.

⁴⁷ См. Гранат И. К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии, стр. 26, 77, 173, 261, 5, 18, 21, 23, 54, 60, 61, 74, 77. М. 1908.

английской деревне⁴⁶, утверждая, будто недостаток исследований Виноградова заключается в признании широкого распространения маноров в средневековой Англии.

Прежде чем перейти к характеристике допущенной интерпретации экономики английского поместья, даваемой в работах Д. М. Петрушевского, следует отметить одного из его предшественников, раннего глшателя теории «вотчинного капитализма». Речь идёт о Гранате, который вознамерился посрамить Маркса (его теорию первоначального накопления капитала и капитализма вообще), попытавшись доказать, что в Англии «за несколько веков до возникновения капитализма... уже существовал обширный класс наёмных рабочих» и «трудящиеся бедняки» были в ней далеко «не исключительным продуктом новейшей истории», как то утверждал Маркс. По мнению Граната, они хорошо известны и феодальной эпохе, а пролетариат существовал «задолго и вне всякой связи с развитием капиталистической промышленности». С точки зрения Граната, «предпринимательские хозяйства вырастают не на почве общего разорения деревни, не являются единственным исключением на фоне общей нищеты, они образуют обширный класс, столь же многочисленный, как многочисленные были ряды крепких крестьянских дворов в средневековую эпоху». Поэтому хотя «крестьянство перестало существовать как класс мелких собственников, но это не означало ни насильственной экспроприации, ни разорения» деревни.

И. Гранат аргументировал тем, что, по свидетельству «Книги Страшного суда», в Англии малоземельные и безземельные, вынужденные в значительной степени рассчитывать на сторонние заработки, на продажу своей рабочей силы, образуют в конце XI столетия... 45% населения деревни. По показаниям «Сотенных свитков», в описываемых ими графствах в конце XIII в. было 33,8% безнадельных и «половина фригольдеров была столь же не обеспечена землёй, как и коттеры». Затем, согласно материалам ренгала Гластонберийского монастыря, составленного в 1189 г., из 1132 несвободных дворов 43,4% держали участки менее 5 акров (в вотчинах Сомерсета). Гранат ссылался и на то, что в середине XIII в. на землях Глостерского аббатства св. Петра «число безнадельных» составляло ¼ всех крестьян и главная масса этой группы владела не более, как двумя акрами полевой земли. По мнению Граната, подушная перепись 1381 г. говорит о том, что в Стаффордшире наёмные рабочие составляли 33% сельского населения. Автор считает нужным отметить также, что зажиточность английских крестьян смягчала господство лордов: «...даже само существование многочисленного сельского пролетариата должно было способствовать ослаблению власти лорда». Поэтому, с его

точки зрения, «лорд в большинстве вотчин является скорее лишь формальным носителем громадной власти над крепостным крестьянином, вотчинного суда, сельского схода, представителем власти мира над своим общинником».

Этот московский противник Маркса, пускаясь в пространные рассуждения о «вотчинном капитализме» и допуская существование пролетариата (тождественного пролетариату капиталистической эпохи) без капиталистического производства, тем самым не уступает как в теоретическом невежестве, так и в апологическом усердии Допшу, который в борьбе против Маркса апеллировал к бессмыслицам натурально-хозяйственного «капитализма».

История английских коттеров действительно заслуживает внимания как история средневековой нищеты, являвшейся побочным результатом развития отношений крепостной эксплуатации. Вопреки утверждениям Граната колоссальный рост деревенской бедноты средневековой Англии объяснялся не особенностями неплодородной почвы⁴⁷, а усилением господства феодалов, которые захватили основные, решающие земельные территории и препятствовали разделу вилланских держаний. Многие тут объяснялось и системой натуральной оплаты дворовых (в том числе мелкими земельными участками, усадьбами, правом пастбища, пользования лесом и т. п.). Известно, что лорды культивировали вокруг маноров группы поддворного населения, оно использовалось в манориальном производстве и на работах, для которых рабочая сила вилланов (способных при обработке барщины со своим инвентарём дать больший экономический эффект) была либо слишком дорогой, либо недостаточной (летом), либо трудно утилизируемой (в силу консерватизма регламентации барщинных работ). Со временем в качестве вторичного, производного, явления начиналось превращение коттеров в профессиональных ремесленников, в арендаторов клочков крестьянской земли, в подёнщиков на домене и в хозяйстве виллана-виргатиара, в держателей домена и займок за денежную ренту. Проблема коттера сложна и требует исследования, однако софизмы Граната не дают и неспособны дать её решение.

Обращаясь к исследованиям Д. М. Петрушевского, нужно сразу отметить, что они занимают выдающееся место в историографии английского средневековья и являются крупным достижением русской исторической науки. Они продолжают замечательные работы Виноградова и делают честь русской исторической литературе. Особенно ценной оказалась капитальная монография Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» (1897—1901 гг.), написанная им в ранний период его научной деятельности, когда автор проявлял политический радика-

⁴⁶ Косминский Е. Исследования по аграрной истории Англии XIII века, стр. 7, 11, 120, 186, 199, 367. 1947.

⁴⁷ См. Гранат И. К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии, стр. 26, 77, 173, 261, 5, 18, 21, 23, 54, 60, 61, 74, 77. М. 1908.

лизм и стоял на почве материализма и историзма. Поэтому в ней он дал яркую картину эволюции аграрного строя Англии в XIV в. и показал социально-экономические предпосылки грандиозного взрыва классовых антагонизмов в английской деревне того времени, каким явилось восстание крестьян под руководством Уота Тайлера. В этом оригинальном и глубоком исследовании Петрушевский продолжает лучшие традиции Виноградова; его труд подкупает своей эрудицией и удивительно тонким анализом документального материала. Трудно найти историка, который умел бы так же, как Петрушевский, «вчитываться» в документы эпохи и раскрывать их богатое содержание.

Его общие работы, именно «Очерки из истории английского государства и общества в средние века» (1906 г.) и «Очерки из истории средневекового общества и государства» (1907 г.), также представляют собою произведения большого научного значения. Они построены на основе специальных и глубоких изысканий автора.

Эти ранние работы Петрушевского значительно отличаются от последующих его публикаций 20-х годов, написанных уже в духе допшианства; эти первые его труды, несомненно, являются серьёзным вкладом оригинального русского исследователя в русскую мировую науку. Они занимают почётное место в анналах русской науки начала XX в. и долго ещё будут изучаться целыми поколениями историков.

Однако уже в этих ранних работах нашли яркое проявление идейные тенденции, свойственные Петрушевскому как буржуазному историку, и напрасно многие из наших медиевистов считают, что в них всё обстоит благополучно. С марксистской точки зрения, многое неприемлемо и в первых изданиях работ Петрушевского. Поэтому их критическая оценка сейчас крайне необходима.

Эти ошибочные тенденции затем усилились в результате допшианских увлечений Петрушевского и его поразительного преклонения перед западной историографией буржуазного происхождения. В основе этого отхода назад Петрушевского лежала активизация буржуазных элементов в нашей стране в период упа. Ведь если в исследованиях Мэтланда, Виноградова и им подобных термин «капитал» — только слово, обычное для лексикона буржуазного медиевиста, и если для практических целей «ниспровержения» марксизма Гранат «установил» существование пролетариата буржуазной эпохи ещё во времена «Книги Страшного суда», то Д. М. Петрушевский пошёл значительно дальше. Он находил все элементы капитализма в эпоху Ричарда Львиное Сердце и развивал теорию «вотчинного капитализма», следуя за А. Допшем. На взгляд Петрушевского тем более следует остановиться, что в своё время, по случаю его юбилея, Н. П. Грацианский считал возможным и нужным «напомнить... всему русскому обществу» о заслугах Петрушевского «перед отечественною и мировою наукою», «заключившись, по его мнению, в том, что «любое издание» юбилея «приковали к... исследования Допша» и «на-

учно-исследовательская деятельность Макса Вебера». Соответственно этому Н. П. Грацианский особенно ценным достижением Петрушевского считал вывод, будто «всякий феодализм по своей сути является государственным»⁴⁸. Следует учесть и политическую направленность построений Петрушевского, о которой свидетельствуют его рассуждения относительно «государственного социализма» в позднеримском обществе. Самая теория «вотчинного капитализма» с её антимарксистским содержанием достаточно красноречива.

Апеллируя к социологии, Петрушевский уснащал свои труды глубокомысленными изречениями Риккерта и особенно Макса Вебера. Во введении к своей книге «Очерки из экономической истории средневековой Европы» Петрушевский писал: «Выясняя логическую природу, с одной стороны, номографического знания, а с другой — знания идиографического, мы этим вовсе не устанавливали принцип для классификации наук по их содержанию, а лишь характеризовали два основных направления научно-познавательского интереса», причём «в первом случае мы имеем дело с законами причинных соотношений, во втором — с индивидуальной причинностью». Таким образом, с его точки зрения, «идеально-типическая конструкция развития и история суть две, строгому разграничению подлежащие вещи», а «конструкция является здесь лишь средством планомерно произвести имеющее обязательную силу сведение... исторического явления... к его действительным причинам, из круга, по состоянию нашего знания, возможных». По мнению Петрушевского, «эмпирическая действительность, рассматриваемая с точки зрения общего, есть природа, а рассматриваемая с точки зрения частного — есть история», и «индивидуализирующая по своим основным задачам и целям историческая наука, по своим средствам, является наукой генерализирующей». Он указывал на то, что даже «в науках о природе безусловно необходимые соотношения между явлениями, т. е. законы в истинном смысле, могут быть констатированы лишь между возможно более простыми явлениями». Следовательно, как полагал Петрушевский, «общие понятия являются... средствами, орудиями познания культурной действительности», а «социологическая категория есть самый идеальный тип, самая утопическая утопия». Он доказывал, что «в качестве идеальных типов исторические общие понятия, иначе исторические категории, имеют характер утопий, не соответствуя никакой исторической действительности»⁴⁹.

Наконец, в брошюре «П. Г. Виноградов как социальный историк» Петрушевский восхитился юридическим формализмом Мэтланда и Виноградовым как «блестящим представителем эмпирической социологии». При этом он отдавал должное «критической

⁴⁸ «Учёные Записки» Института истории РАНИОН, т. III, стр. 14 и 15. М. 1929.

⁴⁹ Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 25, 24, 33, 40, 42, 44, 46, 55, 52. Гиз. 1928.

философии, направившей своё внимание на логику наук о культуре и делавшей всё более и более ясной их логическую природу, но тождественную с природой наук о природе». Заслугу этой философии он находил в том, что она ограничила «свои номографические стремления идеально-типическим конструированием идеальных типов изучаемых ею явлений, общих понятий, служащих необходимыми орудиями для достижения ею её основной цели—научного познания «исторических индивидуумов» в их индивидуальности и однократности». Наконец, по его мнению, «законы социального развития — дело далёкого будущего», а «делом текущей минуты является работа над индивидуальным и типическим»⁵⁰.

Задачу реакционной борьбы против пролетарской революции Петрушевский понимал как задачу отрицания исторической роли революции вообще — при переходе от античности к средневековью и от последнего к капитализму. Он рьяно утверждал, что «новое время является органическим продолжением средневековья, а не его отрицанием, антизой»⁵¹.

Наиболее полную и развёрнутую формулировку теории «вотчинного капитализма» Петрушевский дал в тех же «Очерках из экономической истории». Он заявил там, что в итоге «критической проверки» понятий «понятие «капитализм» может иметь не только то содержание, с каким оно циркулирует в широком учёном обороте, нося в себе все признаки чисто исторической категории, адекватной лишь капиталистическому строю Европы и вневропейских стран XIX и XX веков в его индивидуальности, но и более широкое, считающееся с капиталистическим развитием и средневековой Европы, и древнего мира, и со всеми другими случаями капиталистического хозяйства». В таком реформированном виде понятие «капитализм» приобретает «совершенно определённый характер социологической категории с присущими ей вневременностью и внепространственностью; тогда перестает вызывать недоумение и «вотчинный капитализм»... средневековой Европы, которым Допш так шокировал экономистов».

Уже в истории Рима, говорил Петрушевский, «мы наблюдаем... эксплуатацию частными лицами объектов владения, составляющих предмет оборота, с целью приобретения прибыли способами, присущими меновому хозяйству (а ведь это и есть самое существо капиталистического хозяйства)». Больше того, по мнению Петрушевского, «капиталистическое развитие захватило в Риме и обрабатывающую промышленность», и вопрос заключается лишь в том, в какой мере уже тогда «капитализму удалось создать... формы крупного производства, соответствующие нашим фабрикам и заводам, с характеризую-

щим их экономическое существо соединением и расчленением труда»⁵².

Переходя к характеристике средневековья, он писал: «В средневековой Европе существовало феодальное поместье, но феодального хозяйства в ней никогда не существовало». Поэтому если с понятием капитализма «не соединять определённых социальных признаков... и не думать, что капитализм немалым без лишённых средств производства рабочих... продающих по свободному договору свои рабочие руки монопольным обладателям этих средств, выступающим в роли организаторов производства, то становится ясным, что капитализм возможен в самой различной обстановке. ...Несомненно капиталистическим является и вотчинное хозяйство средних веков»⁵³.

В третьем издании книги «Восстание Уота Тайлера» Петрушевский подчеркнул, что английское поместье «уже в XIII в., в свою классическую пору... вело своё хозяйство на чисто коммерческих началах», что «манор... всегда был связан с рынком и вёл своё хозяйство как предприятие, преследовавшее коммерческие цели». Он ссылаясь на то, что «вотчинное хозяйство... едва ли было чуждо коммерческим целям и осуществляло их в меру тогдашних общих хозяйственных возможностей, едва ли ограничиваясь чисто потребительскими задачами». Поэтому раз «коммерческие интересы» в жизни манора «играли едва ли не определяющую роль», закон «спроса и предложения... достаточно определённо обнаруживал своё действие и в хозяйственной обстановке феодального общества»⁵⁴.

В статье «Die Entwicklung der Grundherrschaft in England» Петрушевский писал: поместье хозяйства любого периода средневековья «не допускает сведения своей характеристики к определению его как натурального или замкнутого хозяйства», так как этому противоречит уже тот факт, что в руках представителей светской и духовной знати встречалась «иногда концентрация необычайно богатых территорий и соответствующего количества рабочей силы». Кроме того, по его мнению, у натурально-хозяйственной концепции «совершенно выпало из поля зрения значение города для хозяйственной жизни раннего средневековья». С точки зрения Петрушевского, «можно допустить существование капитализма в разных социальных условиях», так как капиталистическим было уже хозяйство Рима «как во времена республики, так и в эпоху империи», средневековое же поместье — «безусловно капиталистическая форма производства»⁵⁵.

⁵² Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 57, 99, 107.

⁵³ Там же, стр. 166, 211.

⁵⁴ Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 108, 109, 143, 151, 207. Гиз. 1927.

⁵⁵ Petruschewski D. «Die Entwicklung der Grundherrschaft in England» в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». Bd.

⁵⁰ Петрушевский Д. П. Г. Виноградов как социальный историк, стр. 22, 24, 25. Л. 1930.

⁵¹ «Strittige Frage» в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». Bd. 85 Heft 3. S. 488.

Поскольку методологические установки Петрушевского, как и сама формулированная им теория «вотчинного капитализма», обстоятельно излагались в советской печати⁵⁸, более важным будет дать исчерпывающее изложение его аргументации в пользу этой теории.

Он ссылался на то, что «англосаксонская эпоха уже хорошо знала денежное обращение и обложение», поскольку с давних пор собирались Danegeld и гебур, X век не был свободен от денежных платежей глафрду, а в XI в. «денежные платежи зависимого крестьянства выступают ещё отчётливее», как это подтверждает «Книга Страшного суда». Позднее, говорил Петрушевский, в XII в., сделался возможным в Англии сбор щитовых денег с вассалов, заменяющий их чисто феодальные повинности. Петрушевский указывал и на то, что «денежный оброк — весьма обычное явление... на землях Гластонберийского монастыря к концу того же столетия», а «составленная в 1185 г. писцовая книга ордена храмовников... скорее рента, чем кустумарий; денежные платежи вилланов занимают в ней главное место». Наконец, как он указывал, в кустумариях XIII в. «не найдётся ни одного виллана, та или другая часть барщины которого не была бы переведена на деньги», а в XIV в. Ордо-нанс, изданный в 1349 г., и Статут 1350—1351 г. вполне определённо указывают на то, что «ещё до чумы 1348 года барское хозяйство во многих поместьях велось уже главным образом с помощью наёмного труда»⁵⁷.

Вместе с тем Петрушевский ссылался на то, что, поскольку «малоземельных людей было очень много в средневековой английской деревне, едва ли не большинство», они «являлись всегда готовым материалом для всяких комбинаций денежно-хозяйственного типа». Да и сами крестьяне, говорил он, в майлэндской петиции 1381 г. требовали «полной ликвидации натурально-хозяйственных отношений внутри манора»⁵⁸. Не боясь повторений, Петрушевский многократно отсылал читателя к американскому историку Грэсу, установившему, что за XIII столетие в некоторых манорах Уичестерского епископства производство пшеницы увеличилось на 150%, её продажа — на 44% и цена — на 50% и что вообще в Англии «возник особый класс дельцов, которые назывались хлебными торговцами», а сами барщины стояли иногда в «связи с развитием

денежного хозяйства, являясь средством повышения интенсивности труда»⁵⁹.

Серьёзными были ошибки Петрушевского и в определении феодализма, особенно в его поздних работах. Ликвидируя грехи молодости, допущенные им в диссертации, Петрушевский заявил в новом предисловии к ней (написанном в 1926 г.), что теперь он «видит в феодализме определённую форму государственного устройства и управления, опирающуюся на организованную государственную власть систему политически соподчинённых государственных тяглых сословий»⁶⁰. Отсюда он делал вывод, что «проблема феодализма не есть проблема экономической и социальной истории» и «не разложение, а сплачивание государственного организма происходит в процессе феодализации»⁶¹.

В новом издании своей работы «Восстание Уота Тайлера» Петрушевский доказывал, что военное сословие является «в условиях феодализма и правящим сословием», а потому тем теснее была «связь, соединявшая с ним уже подвластную ему крестьянскую массу, обязанную в качестве другого сословия государства содержать его своим земледельческим трудом и уже только в этой форме отбывать свою службу государству». По его мнению, лишь «наряду с государственными сословиями продолжали существовать и развиваться... экономические классы» и «в средневековом обществе не всё феодально. Феодальным оно является лишь одной своей стороной», так как «феодальной в средневековом обществе является лишь та власть и лишь та зависимость, которая всецело и исключительно покоится на основе публичного права». С его точки зрения, и повинности крестьянства в пользу «барской экономики» представляют собою не арендную плату, а государственный налог»⁶².

«Обоснование» такого понимания феодализма состоит в указании на то, что, как говорил Петрушевский, в процессе феодализации решающим является инстинкт самосохранения, стремление более мелкого люда укрепить свою социальную позицию»⁶³ хотя бы и ценой государственного закрепощения. Этому существенно содействовал сбор королями датских денег как государственного налога, осуществляемый через глафрдов. В числе аргументов фигурируют и ссылки на факт «государственной правовой сущности римского колоната и его государствен-

88. Н. 1, S. 114. 1930. См. также его статью «Strittige Frage», стр. 477.

⁵⁶ См. «Историк-марксист», т. VIII за 1928 г. Материалы дискуссии о книге Петрушевского.

⁵⁷ Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 148, 150, 155, 156. Петрушевский ссылается на частые упоминания в описях XIII в. о возможной коммутации барщины, хотя и частичной (см. «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». Bd. 88. Heft 7, S. 130).

⁵⁸ Повстанцы требовали, чтобы можно было всюду «свободно покупать и продавать» (там же).

⁵⁹ Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 159, 292, 108, 19, 253.

⁶⁰ Там же, стр. 10. В «Очерках из экономической истории» феодализм он отождествлял с «государственным разделением труда» (стр. 104).

⁶¹ Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 75, 76.

⁶² Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 135, 136, 137, 138.

⁶³ Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 156.

ной прежде всего обусловленности»⁶⁴. Вместе с тем он ссылается на «непрерывные войны и завоевания», «кровавые междоусобия», пример которых даёт эпоха Мервингов, на тяжесть военной повинности в связи с развитием и осложнением военной техники, профессиональной выручки». Петрушевский отмечал и разложение родовых союзов, в результате чего государственная власть «была совершенно бессильна охранять внутренний мир. Не удивительно, что государственная власть не только борется с коммендацией и сеньоратом, но всеми мерами способствует дальнейшему развитию этих отношений». Затем, говорил Петрушевский, «чтобы эта система государственного разделения труда возможно действительное обеспечивала интересы государства, необходимо было установить более тесную и юридически более определённую связь между созданными государством сословиями»⁶⁵.

Было бы, однако, ошибкой считать, будто, говоря о закреплении сословий, Петрушевский тем самым признавал крепостничество как специфический способ эксплуатации народных масс, характерный для феодального способа производства, для экономики средневековья. Наоборот, он всячески отрицал его, утверждая, что «хозяйственной эксплуатации сеньора подлежали крестьянские хозяйства... а не сами крестьяне», поскольку держатель полувиргаты отрабатывал вдвое меньше барщины, чем виллан-виргатарий. Он ссылался на то, что с увеличением семьи последнего повинности его надела не увеличивались, при передаче держаний лорды учитывали хозяйственные и трудовые возможности виллана, а «помощи приходится поставить, как и службу на барском дворе, скорее под рубрику чего-либо вроде кустарного промысла вилланов, чем под рубрику настоящей барщины». Затем, по его мнению, «зависимость общины от сеньора покоится не на частном, а на публичном праве, есть не экономическая, а политическая» зависимость⁶⁶. Вообще «домениальная земля была в очень значительной мере общинным достоянием», и «при жизни виллан имел ши-

рокую возможность распоряжаться своим держанием путём продажи». Кроме того защита его владельческих прав была тождественна с защитой прав свободных в королевских судах, так как, говорил Петрушевский, клятвенное показание всей курии или двенадцати присяжных, выделявшихся из общей массы несвободных *sectatores* манориальной курии, сельского схода, было решающим в вопросах о *seisina* виллана, о его владельческих правах на вилланское держание, в не меньшей мере, чем клятвенное показание двенадцати *boni et legales homines*, решавших вопросы о *seisina* свободного человека, о его владельческих правах на свободное держание, в суде королевском»⁶⁷. В «Очерках из экономической истории средневековой Европы» Петрушевский писал, что «в глазах вотчинного права виллан, серв, является собственником своего участка, имеет наследственные владельческие права на своё держание, защитимые против всех неправомерных притязаний с помощью имеющих строго юридический характер процессуальных средств (свидетельства присяжных, протокол курии)». Поэтому виллан с разрешения сеньора (имеющего чисто формальный характер) мог «продать его, отдать под залог в обеспечение долга или передать третьим лицам в условное держание». В том случае, если у виллана оставался малолетний наследник, «то и сам наследник и его держание поступали под опеку в надёжные руки». Таким образом, Петрушевский приводит полную аналогию между вилланскими держателями и земельным правом «свободных людей и свободных держателей». Он утверждал, что даже практиковавшиеся в этих последних «формы земельных исков, так называемая *ассиза о смерти предшественника* или *ассиза о новом захвате*, находят в вотчинной курии своё полное соответствие, равно как и расследование через присяжных»⁶⁸. Аналогичны этим и его высказывания, имеющиеся в других работах⁶⁹.

С точки зрения Петрушевского, юридическая доктрина вилланства легистов XIII в. не отражала манориальной действительности⁷⁰, тем более, что через своих союзников — свободных, — имевших доступ в королевские суды, вилланы могли в них защищать свои права на землю. В общем, говорил Петрушевский, в условиях феодализма «о прикреплении к земле... не может быть... и речи: на территории любой вотчины мы постоянно встречаем крепостных чужих сеньоров».

Петрушевский вслед за всеми буржуазными медиэвистами преувеличивал роль манориальных обычаев в защите крепостных, утверждая, что «в глазах манориального, вотчинного права (*consultudo manerii*) вил-

⁶⁷ Там же, стр. 160, 118, 124.

⁶⁸ Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 217—218.

⁶⁹ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», Bd. 88. H. 1, S. 179.

⁷⁰ Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 140.

⁶⁴ Петрушевский Д. Очерки из истории английского государства, стр. 71, 22.

⁶⁵ Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 132, 133, 134, 112.

⁶⁶ Там же, стр. 112, 113, 115, 114, 137. О совпадении интересов лорда и виллана Петрушевский говорит и в статье «Die Entwicklung» в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». Bd. 88 H. 1, S. 118. Он считает, что «для поместной администрации личный статус отдельного держателя, его принадлежность к определённому социальному слою не имела значения» (там же, стр. 119). В статье «Strittige Frage» (там же, т. 85, тетрадь 3, стр. 447) Петрушевский высказывает протест против сравнения феодального поместья с жерновами, которые перемалывали весь захватываемый социальный материал в однообразную, безличную массу.

лан... является совершенно полноправным человеком». По его мнению, «противоречие между положением виллана с точки зрения вотчинного права и положением его с точки зрения так называемого общего права... не давало себя знать, оставаясь в сфере чисто теоретических принципов»⁷¹, и «extenta папейя являлись для вилланов... настоящей конституционной хартией». Правда, «могло быть немало случаев самого грубого и бесцеремонного попиравания лордом прав его вилланов. Но нарушение права говорит ли против существования права?»⁷².

Рассуждения Петрушевского о единстве королей с народом на протяжении всей истории средневековой Англии⁷³ о примирительной роли короля в социальных конфликтах феодальной эпохи⁷⁴ показывают нам, как он понимал характер государственного закрепощения сословий.

Копируя Допша, Петрушевский писал об извечности частной собственности на землю⁷⁵ и непрерывности перехода от позднего Рима к раннему средневековью⁷⁶, о прямой филиации экономических и политических форм первого во второе.

Конечно, работа Петрушевского о восстании Уота Тайлера — крупный вклад в науку и значительное событие в историографии английского средневековья, но позднейшие работы, написанные им, заслуживают иной оценки. В его чисто политической интерпретации феодализма трудно усмотреть заслугу перед наукой, поскольку здесь Петрушевский делает шаг назад по сравнению с Виноградовым и другими либерально настроенными историками. В кривом зеркале его концепции всё выглядит наоборот:

⁷¹ См. Петрушевский Д. Очерки из экономической истории, стр. 235, 70, 229. Общие понятия крепостничества и зависимости, говорит Петрушевский, «очень мало содействуют выяснению социальной структуры средневекового поместья» (см. «Die Entwicklung», Zeitschrift f. d. g. S. Bd. 88. H. 1, S. 114, 153).

⁷² Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 130, 129. Основной причиной такой конституционности лорда манора являлись общие хозяйственные условия той поры. Стр. 142.

⁷³ См. Петрушевский Д. Очерки из истории английского государства, стр. 98, 144, 149, 254 и др. Как и современное капиталистическое, средневековое право, говорит Петрушевский, «имело своей задачей защиту интересов всех 'слоёв общества» (см. в. Z. f. d. g. S. Bd. 88. H. 1, S. 121).

⁷⁴ См. Петрушевский Д. Страница из истории английского средневекового города в сборнике в честь В. О. Ключевского, стр. 456. М. 1909.

⁷⁵ См. его Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 85, 87, 152. Очерк «П. Г. Виноградов как социальный историк», стр. 26 и его статью «Strittige Frage» в Z. f. d. g. S. Bd. 85. H. 3, S. 475, 476.

⁷⁶ См. там же, стр. 82, 83, 84, 87, 88, 94, 98, затем его статью «Strittige Frage», стр. 476.

отношения эксплуатации антагонистических классов объявляются разделением труда между ними, аппарат подавления эксплуатируемых — феодальное государство — превращается в организатора сотрудничества классов в разрешении общенародных задач, крепостничество вилланов превращается в свободу, а обычай систематической и регламентированной эксплуатации крестьянства именуется хранителем народных вольностей. Аргументация Петрушевского далека от оригинальности. Мы вновь и вновь слышим старомодные рассуждения о конституционном лорде (который, видите ли, штрафует вилланов, лишь устроив предварительно судебное разбирательство для устрашения его соседей и с целью их возможного привлечения к аналогичной ответственности), о крепостнике как военном представителе и защитнике народа. При этом отсутствие эксплуатации доказывается редкостью телесных наказаний, а если последние и признаются, то виллану оставляется надежда искать себе утешение в софизме, что нарушение права не отменяет самого права. Утверждение, что даже господство грубой феодальной аристократии (не говоря уже о цивилизованной буржуазии наших дней) совместимо с благополучием народа и его свободой, — центральный тезис построений Петрушевского. Во имя этого он объявляет феодальный способ производства утопией, рассматривая феодализм как случайное явление истории и продукт государственной политики.

Дебют Петрушевского в качестве допшианца свёлся к популярному изложению «основ» допшинской теории «вотчинного капитализма», даже к ещё большей её вулгаризации. Его вариант этой теории опирается на сомнительное «доказательство» капиталистической организации феодального производства с ссылкой на то, что натуральность последнего не была чистой, сто процентной, исключительной. Вслед за Допшем Петрушевский утверждал, что простых упоминаний о деньгах и обмене в «Капитулярии о виллах», полниптике Ирминона, «Книге Страшного суда», экстентах XIII в. и «Сотенных свитках» вполне будто бы достаточно для того, чтобы считать экономику всех эпох средневековья капиталистической. Он не делал ни одной попытки дать детальное исследование, с этой точки зрения, хотя бы одного из классических источников, предлагающее учёт относительной роли обмена и денег в экономике поместья. Он довольствовался повествовательным изложением «Капитулярии о виллах» и полниптики Ирминона, находя все нужные ему доказательства путём отождествления капитализма с коммерческими предприятиями. В самом деле, для того только, чтобы доказать возможность капиталистически организованного предприятия в условиях феодальной экономики (а не продемонстрировать значительность их роли в ней), ему пришлось превратить понятие капитализм в пустой ярлык. Капитализм, о котором говорит Петрушевский, характеризуется им как лишённый социальных признаков коммерческий принцип, вовсе не предполагающий существова-

ния пролетариата, потерявшего средства производства, купли-продажи его рабочей силы и т. п. Петрушевский пытался объявить капитализм вечным хотя бы в столь изуродованном виде. Смещение простого товарного хозяйства с капиталистическим, последнего с крепостническим характерно для Петрушевского так же, как и для Доща.

Таким образом, взгляды Петрушевского далеки от марксизма, и все попытки сближения его концепции феодализма с идейными тенденциями советской средневековедения совершенно ошибочны, политически вредны.

Критическое отношение к литературному наследству Петрушевского, как и других буржуазных историков, совершенно обязательно для советского средневековедения.